

О.Ю. Стародубова

**МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ КАРТИНЫ
МИРА (В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО)**

Аннотация. В статье рассматриваются способы конструирования системы концептов, а также средства их объективации на прагматическом и лингвистическом уровнях в рамках художественного дискурса на примере малой прозы XX века. При этом художественный текст воспринимается как сегмент дискурса, в который инкрустируется пресуппозиция, и становится транслятором системы ценностей, интерпретативной картины мира, представляющей продукт творческой личности, категоризацию действительности. Художественный текст, таким образом, является ценным источником историко-культурных сведений, отражением динамики национальной и универсальной картины мира как для носителей исходного языкового сознания, так и для инофонов.

Ключевые слова: художественный дискурс, картина мира, концептосфера, пресуппозиция, когнитивно-коммуникативно-дискурсивный подход.

O.Yu. Starodubova

**MODELING OF THE CONCEPT SPHERE IN ARTISTIC DISCOURSE
AS A MECHANISM OF TRANSLATION OF THE WORLD PICTURE
(IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN)**

Abstract. The article discusses the ways of constructing a system of concepts, as well as the means of their objectification at the pragmatic and linguistic levels within the framework of artistic discourse on the example of short prose of the 20th century. At the same time, a literary text is perceived as a segment of discourse, in which presupposition is inlaid, and it becomes a translator of a system of values, an interpretive worldview, representing the product of a creative personality. Literary text, therefore, is a valuable source of historical and cultural information, a reflection of the dynamics of the national and universal picture of the world, both for carriers of the original linguistic consciousness and for foreigners.

Keywords: literary discourse, worldview, concept sphere, presupposition, cognitive-communicative-discursive approach.

Введение

На фоне глобализации и других современных процессов происходят кардинальные изменения в картине мира, системе ценностей, возникает существенная коррекция этнокультурного кода, при этом одним из приоритетных информативных источников становится медийный дискурс как

средство оперативной трансляции фактического событийного поля. *Медиацентризм* существенно переориентирует сознание личности, однако следует помнить о том, что СМИ моделируют вторичную, параллельную, альтернативную реальность интерпретативного, оценочного характера, часто используя манипулятивные, конфликтогенные стратегии, сопряженные с политизацией

Стародубова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института международных образовательных программ, Московский государственный лингвистический университет, Москва. Сфера научных интересов: этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, герменевтика текста и дискурса, прецедентность в медийном и художественном дискурсе, методика декодирования текста/дискурса. Автор более 80 опубликованных научных работ. ORCID: 0000-0003-4918-5256, SPIN-код: 1767-3650, AuthorID: 978897. Электронный адрес: oystarodubova@mail.ru

и идеологической доминантой [1]. В связи с этим литературоцентричность, характерная для XIX–XX веков, не утрачивает своей актуальности, в особенности при изучении языка и культуры инофонами, поскольку художественный текст как продукт творческой личности содержит картину мира в виде набора концептов (концептосферу), становится результатом категоризации действительности с точки зрения системы национальных и универсальных ценностей [1–5].

Методика и принципы исследования

Методика декодирования авторского конструкта опирается на базовую направленность современного образования – имеет лично-развивающую ориентированность, которая реализуется в рамках творческой образовательной парадигмы, нацеленной на формирование не только профессиональных навыков (в нашем случае лингвистических), но и целого ряда компетенций – *когнитивной, коммуникативной, социокультурной* и т. д., обеспечивающих качество профессиональной деятельности, а также в целом любого вида деятельности субъекта образовательного процесса [4; 6]. Все это опирается на следующие ключевые принципы антропологической лингводидактики: *антропоцентрический, коммуникативный, когнитивный* [4; 6; 7].

Антропологический (антропоцентрический) принцип реализуется в рамках филологического (лингвистического) образования, направленного на формирование профессиональной языковой личности, за счет подбора текстов, актуальных для инофона. *Коммуникативный* принцип реализуется за счет использования текста/ дискурса в качестве коммуникативной, интерактивной единицы; *когнитивный* – за счет выявления опорных единиц текста – эксплицитных и имплицитных – носителей этнокультурной ценностной информации и их использования в целях формирования речевых механизмов идентификации и прогнозирования [3; 6; 7].

В нашем случае текст рассматривается как основная оперативная единица образовательного процесса, поскольку в силу своей экспланаторной природы содержит языковые и прагматические (экстралингвистические) пласты информации, предполагающие в ходе анализа выявление механизмов кодирования творческой личностью отдельных сегментов модели действительности, картины мира изучаемого языка. На этом фоне текст представляет собой лингвокультурный маркер языковой личности автора, его эпохи и национальной ментальности.

В процессе декодирования авторского замысла текста необходимо опираться на указанные принципы антропологической лингводидактики, сам анализ следует про-

водить поэтапно с учетом аксиологического, культурологического, контекстного (дискурсивного), а также когнитивно-рефлексивного подходов [4; 5; 8; 9].

В рамках описанной методики аналитического чтения, предполагающей учет встроенной в текстовое пространство дискурсивной этнокультурной, ценностной информации (пресуппозиции), а также языковых и прагматических механизмов ее экспликации, перспективной целью становится формирование устойчивой модели декодирования текстово-дискурсивной информации, а итогом – формирование профессиональной языковой личности [1; 4].

В ходе декодирования читатель (в особенности инофон), воспринимая авторскую текстовую модель действительности, пропускает ее сквозь призму когнитивной модели в пределах парадигмы своей эпохи. В ходе диалога происходит *интерференция* моделей и, как следствие, создание нового варианта, подводящего «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [8, с. 23]. При этом «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов», а «функциональную деятельность по становлению и интерпретации смысла» эксплицирует слово [10, с. 118].

Подобный *когнитивно-коммуникативно-дискурсивный подход* к тексту в трехмерной проекции (то есть с точки зрения моделирования системы ценностей, а также с учетом диалогической, экспланаторной природы текста и пресуппозиции) позволит не только и не столько воспринимать поверхностный, событийный аспект текста в изолированной позиции, сюжетность, сколько постигать концептосферу художественного дискурса как модель общества, интерпретируемую автором с точки зрения соответствия базовым национальным

и универсальным ценностям, как этнокультурный код, включающий престижные и непрестижные поведенческие модели, их изменения, динамику, что особенно важно для инофонов, так как при изолированном изучении отдельных уровней языка вне коммуникативно-когнитивного контекста, который эксплицируется текстовой природой, невозможно истинное знание языка.

Результаты исследования могут быть применены в практике декодирования художественного текста/ дискурса, кроме того, выводы вносят определенный вклад в разработку проблемы речевого субъекта, языковой личности.

Результаты исследования

Обратимся к практике. В качестве материала исследования рассмотрим рассказ Надежды Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой) «Жизнь и воротник», декодируем авторский конструкт, используя описанную методику, постараемся вычленить ключевые фрагменты ценностной картины мира, смыслы эпохи, закодированные автором через различные механизмы – систему концептов (прагматические, имплицитные механизмы), а также целый ряд приемов (лингвистические, эксплицитные).

Для наиболее полного и объективного понимания текста необходим выход в дискурс (историко-культурный контекст), который предполагает знание пресуппозиции трех уровней, поскольку она *инкрустируется* в текстовое пространство и задает ракурс восприятия текстовой реальности: первый уровень – биография автора как продуцента текстовой действительности, второй и третий – события, происходящие в стране и в мире во время написания произведения и провоцирующие динамику картины мира (их также необходимо

Моделирование концептосферы в художественном дискурсе как механизм трансляции картины мира (в практике преподавания русского языка как иностранного)

учитывать, поскольку сам автор становится их продуктом).

Рассказ был написан в 1910 году и опубликован в сборнике «Тонкая психология», куда вошли произведения 1904–1911 годов. Начало XX века – непростой период в жизни нашего Отечества: народные волнения, последствия урбанизации и т. д., мировой контекст также порождает общий кризис системы ценностей. Все это актуализирует вечные проблемы, сопряженные со статусом личности, местом человека в мире, смыслом жизни и т. д. Кроме того, в жизни отдельной творческой личности также возникают некие обстоятельства, которые накладываются на эпохальный контекст и продуцируют изменения картины мира. Однако во все времена человек хочет быть счастливым, возможно, именно поэтому Надежда Александровна Лохвицкая взяла в качестве псевдонима немного измененное имя слуги Степана, которого все домашние называли Стэффи. Писательница говорила, что Степан «действительно отменный дурак, а дураки всегда счастливые». Так, фрагменты пресуппозиции встраиваются в текст, образуя дискурсивный ракурс восприятия: задача автора – помочь читателю расставить правильные акценты, понять этот мир, обрести истинные духовные ценности. Какие же механизмы он использует, чтобы сориентировать читателя?

Рассмотрим сильные, то есть наиболее информативные сегменты текста. На занятиях с инофонами следует обращать внимание на подобные сегменты, так как это способствует постепенному формированию модели декодирования авторского конструкта, текстов культуры.

Начнем с заголовка – «Жизнь и воротник». В нем автор использует прием, ко-

торый называется *зевгма* и предполагает соединение в качестве однородных абсолютно разноплановых понятий (в нашем случае глобального, абстрактного и конкретно- предметного), что порождает комический эффект. Ирония, как и любой вид комического, является средством критики пороков человека и общества. Поскольку уже в заголовке фигурирует деталь материального мира, которая актуализирует концепт *Мещанство* (доминанта материальных ценностей), автор моделирует концептуально значимую оппозицию *своего* и *чужого*, на которой построен любой текст культуры. Итак, *своим* становится глобальное – жизнь, *чужим* – материальные ценности, олицетворяющие тленность мира, мещанство, – так автор помогает читателю понять, что престижные поведенческие модели, навязываемые цивилизацией, обществом, не всегда таковы. Постепенно формируется концептосфера текстовой модели действительности [1; 3; 4].

В первом предложении автор поддерживает и детализирует сконструированную в заголовке антитезу *своего* и *чужого*, на которой построена текстовая реальность, при этом *своим* становится концепт *Человек* – одно из проявлений *Жизни* (как обобщенное глобальное понятие), открывающий пространство авторского мира, а точнее его традиционное содержание, которое подвергается сомнению на фоне *чужого* – концепт *вещь* как проявление мещанства (и ее власть над человеком): «Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти» [11]¹.

В приведенной цитате используется концептуальная онтологическая метафора

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из рассказа Н. Тэффи «Жизнь и воротник» [11].

(еще одна сильная позиция текста), ее можно обозначить как *персонификацию* вещи, которая оживает и становится доминирующей, самодостаточной. На этом фоне возникает *деперсонификация* человека, который становится побочным продуктом, объектом воздействия вещи, минимизируется и постепенно вытесняется, – таким образом автор показывает читателю катастрофические последствия вещизма, используя при этом также ресурсы стилистики – *невзрачная вещица* (вещь и материальное благополучие не делают человека счастливым – он становится заложником ложных стереотипов). Целесообразно при этом обратить внимание инофона на аналог приема, который использует Н.В. Гоголь в произведении «Нос».

В дальнейшей части рассказа оппозиция *своего* и *чужого* эксплицируется в диалектике категорий *субъекта* и *объекта* на примере конкретной семьи – автор актуализирует и подвергает критической интерпретации концепты *Дом*, *Семья*, *Человек* на пересечении с концептом *Мещанство* (*вещиизм*) и сопутствующей категорией *гетеротопии* – концептуально значимого пространства – *Гостинный двор*, который становится носителем материальности, цивилизации – именно там временно *проживал* второй ключевой субъект – «*крахмальный дамский воротник, с продернутой в него желтой ленточкой*». Детализированная атрибутика изначально объекта включает желтый цвет как мотив болезни общества, и в данном случае указанный этнокультурный компонент связан с пресуппозицией – творчество Ф.М. Достоевского и др. Автор иллюстрирует при помощи концептуальной онтологической метафоры деструктивное воздействие временной вещи (которая, кстати сказать, теряется в конце текста, сделав свое дело) на *вечные ценности* – такова авторская инвенция, ключевой замысел.

Отметим также, что категория *гетеротопии*, как и категория субъекта и система концептов, встраивается в *свое* и *чужое*, при этом своим должен стать *дом*, в котором живет *семья*, однако текстовая модель реальности вносит свои коррективы.

Продолжим исследование текстовой природы, вычленив эксплицитные приемы и декодируя их имплицитный смысл с учетом пресуппозиции.

Ключевым реальным субъектом становится героиня *Олечка Розова*, которая постепенно уступает место другому субъекту – *воротнику*. Происходит изменение субъектно-объектных отношений: концепт *Вещь инкрустируется* в концепт *Человек*, обезличивает, вытесняет его, подменяет подобно тому, как материальные ценности вытесняют духовные. *Интродукция* субъекта (детский вариант имени как способ введения в текст) подчеркивает инфантилизм героини как несостоятельной личности (на этом фоне уже минимизируется концепт *Человек*, *Личность*), автор использует ресурсы словообразования – суффикс субъективной оценки для именования взрослого семейного человека, не способного жить *своей жизнью*, а только *воротничковой*: «*Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь*». Наиболее активным приемом на синтаксическом уровне становится парцелляция, которая активизирует внимание читателя и поддерживает иронию. На лексическом уровне автор использует повторы, также провоцирующие разные виды комического (от иронии до сарказма): «*Олечка Розова три года была честной женой честного человека... как женщина честная*» – атрибутика субъекта, стилистика, тональность подачи заставляет читателя усомниться в прямом принятии эксплицита, и мы начинаем понимать, что муж героини, составляющий фрагмент концеп-

Моделирование концептосферы в художественном дискурсе как механизм трансляции картины мира (в практике преподавания русского языка как иностранного)

та *Семья*, также инфантилен, а значит, сам концепт деформирован – его содержание не соответствует традиционным канонам. Указанный имплицит поддерживается отсутствием личного имени – дается только семейный статус субъекта и его сопутствующая атрибутика: «честный муж», которая на фоне иронии воспринимается с точностью до наоборот. В дальнейшем этот субъект фигурирует в тексте лишь дважды: первый раз, когда героиня просит помощи, признаваясь в растрате хозяйственных денег, власти воротника над ней: «Раз даже она решилась открыть все мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал». Номинация *честный малый* подчеркивает критическое отношение автора, минимизацию статуса субъекта. Второе появление означенного субъекта наблюдаем в конце текста: «Сам честный муж... Честный муж пошатнулся... Честный муж бросил ее и перевелся в другой город». Следует подчеркнуть, что автор минимально вербализует его пребывание в тексте и не сопровождает рефлексией, в отличие от героини, что также существенно снижает значимость этого сегмента концепта *Семья*, окончательно утверждает деформацию семейных ценностей. Таким образом, роль мужа – исключительно номинальная, но одновременно знаковая, ведь такая семья, где нет понимания, поддержки, построенная на материальной доминанте, не проходит проверку, а разрушается при столкновении с первыми трудностями.

Вернемся к героине и ее воротнику – отметим все номинации и атрибутику субъектов и проследим диалектику и характер взаимодействия концептов *Человек* и *Мещанство*, носителями которых являются главные герои: «Олечка... Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной

жизнью... Как женщина честная» – такова исходная точка развития характера. Следующий этап текстового воплощения героини уже связан с воротником, его начальная стадия сопровождается сомнениями, борьбой, активной рефлексией героини в комментариях повествователя: «Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостинный двор и купила кофточку... На душе у нее было беспокойно и жутко... она легла в постель и проплакала весь вечер... совсем сбилась с толку... в глубине души еще теплилось в ней сознание всего ужаса ее положения, и иногда, по ночам или даже днем, когда воротничок стирался, она рыдала и молилась, но не находила выхода... Олечка со стыдом и ужасом слушала и думала: –Господи! Куда я попала?!».

В ходе декодирования множества сопутствующих авторских интенций в аудитории инофонов следует обращать внимание на дискурсивные слова, составляющие эмотикон героини, и прецедентность, которая встречается при описании внутреннего нравственно-психологического конфликта героини (в глубине души, на душе было беспокойно и т. д. – концепт *Русской души* также составляет важную часть этнокультурного кода, поэтому важно проследить, какие изменения происходят с ним на фоне мирового кризиса).

Автор эксплицирует изменения, происходящие с героиней, также и в портретно-атрибутивном плане: «Вечером, бледная и смущенная, она, заикаясь, говорила своей бабушке... Она бегала по всем родным и знакомым, гнала и выклянчивала деньги». Следующим этапом декаданса героини становится фактически утрата рефлексии, что также вербализуется в атрибутивной характеристике: «Как существо слабое и бесхарактерное, она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник... Она обстригла волосы, стала курить и громко хохотала, если

слышала какую-нибудь двусмысленность... Деньги? Профукала! И, заложив руки в карманы, она громко свистнула ...».

Так происходит интерференция концептов, а точнее концепт *Мещанство* встраивается в концепт *Человек* в женской его модификации и постепенно нейтрализует, минимизирует, разрушает – таков авторский вердикт – приговор общественным стереотипам.

Концепт *Мещанство* наполняется еще целым рядом атрибутов вещного мира, составляющих категорию *гетеротопии* – это предметы быта, которые требует воротник от Олечки: *«...воротничок потребовал новую кофточку ... Воротник ясно и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками... воротничок потребовал новых башмаков... На другой день она ходила ... в тех башмаках, которые заказал воротничок... шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка... потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.*

По мере того как у героини постепенно минимизируется, вытесняется из эксплицитного плана текста душа, рефлексия, у воротника (который сначала был *воротничком*) все устойчивее проявляется характер, он зреет, мужает, возрастает его требовательность, он создает вполне реальный конкретно-предметный вещный мир, в котором ощущает себя материально и комфортно. Так вещи постепенно вытесняют рефлексию героини, кардинально меняют ее сознание и речь, в том числе *эмотикон* (из деликатной, рефлексивной, испытывающей угрызения совести, терзающейся сомнениями она превращается в особу, способную громко свистеть и произносить ранее не свойственные ей слова). В конечном итоге мы получаем новый про-

дукт, который когда-то был *честной женой честного мужа*: *«Итак, Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал».* Модификациям подвергается и атрибутика героини – она меняется и внешне, и внутренне.

В конце рассказа появляются еще два эксплицитных субъекта: *студент* (индикация социального статуса не сопровождается личным именем) и *прачка* (актуализируется профессиональный и социальный статус вне личного имени), при участии которой источник бедствий героини исчезает, оставив неизгладимый след в сознании героини и читателя, – помним о том, что текст – это интеракция, коммуникативная ситуация, полилог эпох и культур.

Обратимся к субъекту *студент*, который становится завершающим аккордом в разрушении концепта *Семья*: традиционно он является сегментом концептов *Образование*, *Интеллигентность*, но в рассказе он также иллюстрирует кризис системы ценностей, эксплицируя встроенную в текст пресуппозицию, предстает в деформированном виде. Взаимодействует герой уже скорее не с героиней, а с Воротником: *«За ужином студент, Олечкин сосед, пожал ей под столом ногу. Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за нее ответил: – Только-то?... Воротник поблагодарил и радостно согласился... воротник ухарски повернул ее голову и снова хихикнул... Потом студент с воротником поехали в ресторан, слушать румын. Пошли в кабинет... студент с воротником не обращали на нее никакого внимания. Они пили ликер, говорили пошлости и целовались».* Личное местоимение 3-го лица фактически статусно отождествляет одушевленного субъекта (*студент*) и персонифицированного (*воротник*), при этом субъект – носитель воротника – деперсонифицируется и становится объектом, как человек становится побочным эффектом цивилизации.

Моделирование концептосферы в художественном дискурсе как механизм трансляции картины мира (в практике преподавания русского языка как иностранного)

Кроме того, в текстовой модели обнаруживаем и рассказчика: он появляется в середине произведения, давая прямую критическую оценку воротнику (и, соответственно, приоритету материальных ценностей, которые ведут героиню к катастрофе, а семью к краху) через инвективную номинацию: «*Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?*». В завершении он эксплицитно включается, но имплицитно он присутствовал на протяжении всего повествования в качестве экспликатора рефлексии и внешней речи героини и интенций, а также поведенческих реакций Воротника: «*– А где воротник? – спросите вы. – А я-то почему знаю, – отвечу я. – Он отдан был прачке, с нее и спрашивайте. Эх, жизнь!*»

Единственным позитивным (своим), но занимающим очень ограниченное текстовое пространство (что также знаково), субъектом-объективатором концепта *Семья* становится бабушка, которую ради денег обманывает Олечка: «*Бабушка была добрая...*». Указанный субъект актуализирует некоторую преемственность поколений, возвращает к прежним добрым временам, духовным ценностям и добрым традициям, в которых автор видит спасение. В этом и состоит важная авторская мысль и задача любого художественного текста – помочь читателю (в нашем случае на фоне трагедии героини, которая остается в одиночестве и так и не понимает причины произошедшего, обвиняя во всем воротник) сориентироваться в системе истинных ценностей, ориентиров [1; 4].

Заключение

Таким образом, коммуникативное пространство текста построено на *инкрустации* ключевых концептов *Человек, Личность, Семья, Дом, Мецанство*, составляющих концептосферу рассказа, модель авторского

конструкта картины мира, представленную оппозицией *своего* и *чужого*, которая включает этнокультурный код и ориентирует читателя с точки зрения ценностных установок. Механизмы категоризации действительности, представленные на *прагматическом* уровне системой пересекающихся концептов, объективированных через категории *субъекта* и *гетеротопии*, и на *лингвистическом* уровне системой приемов, становятся маркером авторской оценки, а само текстово-дискурсивное пространство – транслятором пресуппозиции, которая, в свою очередь, встраивается в модель сконструированной реальности национальной картины мира в продукции творческой личности.

В связи с этим лингводидактический потенциал художественного текста в трехмерной проекции, то есть с учетом *когнитивно-коммуникативно-дискурсивного* подхода, неограничен. Пристальное внимание к механизмам кодирования текстовой информации как на прагматическом (*концептосфера, гетеротопия, категория субъекта, прецедентность* и т. д.), так и на лингвистическом уровне (*суффиксы субъективной оценки, концептуальные метафоры, зевзма, особенности стилистики* и т. д.), понимание текста как носителя этнокультурного кода, который эксплицируется при помощи различных приемов на всех уровнях языка (от фонетического до синтаксического), учет пресуппозиции, которая встраивается в текст в авторской интерпретации, позволит как носителю исходного языкового сознания, так и инофону наиболее глубоко и объективно постичь не только собственно языковые, но и когнитивные, ментальные особенности, поскольку авторский конструкт становится транслятором картины мира [1; 9]. Все это, несомненно, способствует актуализации литературоцентричности, формированию модели восприятия текстов культуры, а также целого набора компетенций профессиональной языковой личности.

Литература

1. Стародубова О.Ю. *Анатомия текста и дискурса. Ч. 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности*. Чебоксары : Среда. 2021. 136 с. ISBN 978-5-907411-64-7. EDN YABMKA. DOI: 10.31483/a-10318
2. Кулибина Н.В. *Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова*. 2001. № 1. С. 57–64. EDN YUUEJF.
3. Огнева Е.А. *Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста*. 2-е изд. доп. М. : Эдитус, 2013. 282 с. ISBN 978-5-906162-82-3.
4. Стародубова О.Ю. *Художественный дискурс как вторичная действительность и способ моделирования концептосферы (лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2022. № 2. С. 147–154. EDN JSLCCE. DOI: 10.18137/RNUV925X.22.02.P.147
5. Стернин И.А. *Моделирование концепта в лингвоконцептологии // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : Сб. материалов. Тамбов, 26–28 сентября 2006 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 77–79. EDN VLXNBF.*
6. Мухаммад Л.П. *Основы антропологической лингводидактики: истоки, состояние, перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. № 2. С. 87–92. EDN DLKKUF. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.02.20
7. Chubarova O.E., Stoletova E.K., Starodubova O.Yu., Mukhammad L.P. *Polylogue of cultures and epochs in the course of reading a literary text in a foreign audience // Revista Género e Direito*. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 505–522. URL: <https://www.periodicojs.com.br/index.php/gei/article/view/52/50> (дата обращения: 28.07.2023).
8. Кубрякова Е.С. *В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11–24.*
9. Пищальникова В.А. *Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. науч. конф., Москва, 25–26 января 2002 г. / Сост.: Е.Ф. Тарасов и др. М. : Московский открытый социальный университет, 2002. С. 145–152. EDN NAXHBZ.*
10. Пищальникова В.А. *Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация: коллект. монография / под ред. В.И. Шаховского. Волгоград : Перемена, 2003. С. 117–120. EDN SJVWXW.*
11. Тэффи Н. (Лохвицкая Н.А.) *Жизнь и воротник // К уроку литературы*. URL: http://literatura5.narod.ru/teffi_vorotnik.html (дата обращения: 28.07.2023).

References

1. Starodubova O.Yu. (2021) *Anatomiya teksta i diskursa. Chast' 1: Khudozhestvennyy diskurs i mekhanizmy konstruirovaniya modeli deystvitel'nosti* [The Anatomy of Text and Discourse. Part 1: Artistic Discourse and Design Mechanisms of Reality Models]. Cheboksary : Sreda Publ. 136 p. ISBN 978-5-907411-64-7. DOI: 10.31483/a-10318 (In Russian).
2. Kulibina N.V. (2001) *Artistic discourse as an actualization of the artistic text in the mind of a reader. Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. No. 1. Pp. 57–64. (In Russian).
3. Ogneva E.A. (2013) *Kognitivnoye modelirovaniye kontseptosfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive Modeling of Artistic Text Concept]. 2nd edition. Moscow : Editus Publ. 282 p. ISBN 978-5-906162-82-3. (In Russian).

Моделирование концептосферы в художественном дискурсе как механизм трансляции картины мира (в практике преподавания русского языка как иностранного)

4. Starodubova O.Yu. (2022) Artistic discourse as a secondary reality and a method for modeling the conceptosphere (linguo-cognitive and linguo-didactic aspects). *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 2. Pp. 147–154. DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P.147 (In Russian).
5. Sternin I.A. (2006) Concept Modeling in Linguoconceptology. In: Boldyrev N.N. (Ed) *Mezhdunar. kongress po kognitivnoy lingvistike: sb. materialov* [Proceedings of International congress on cognitive linguistics, Tambov, 26–28 September 2006]. Tambov : Derzhavin Tambov State Univ. Publ. Pp. 77–79. (In Russian).
6. Mukhammad L.P. (2021) Anthropological linguodidactics: Origins, status, prospects. *Modern Science: Actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. No. 2. Pp. 87–92. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.02.20 (In Russian).
7. Chubarova O.E., Stoletova E.K., Starodubova O.Yu., Mukhammad L.P. (2020) Polylogue of cultures and epochs in the course of reading a literary text in a foreign audience. *Revista Gênero e Direito*. Vol. 9. No. 1. Pp. 505–522. URL: <https://www.periodicojs.com.br/index.php/gei/article/view/52/50> (accessed 28.07.2023).
8. Kubryakova E.S. (2009) In search of the essence of language: Instead of introduction. In: Kubryakova E.S. (Ed) *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Issue IV. Conceptualization of the world in language]. Moscow : Institute of linguistics RAS ; Tambov : Derzhavin Tambov State Univ. Publ. Pp. 11–24. (In Russian).
9. Pishchal'nikova V.A. (2002) Dialogue of Cultures as a Research Programme on Cognitive Processes in Intercultural Communication. In: Tarasov E.F. (Ed) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod: materialy mezhvuz. nauch. konf.* [Intercultural Communication and Translation: Proc. Inter-university Sci. Conf., Moscow, 25–26 January 2002. Moscow : Moscow Open Social University. Pp. 145–152. (In Russian).
10. Pishchal'nikova V.A. (2003) Emotional dominant of a text: Translation aspect. In: Shakhovskiy V.I. (Ed) *Emotivnyi kod yazyka i ego realizatsiya* [The emotive code of the language and its implementation: Collective monograph]. Volgograd : Peremena Publ. Pp. 117–120. (In Russian).
11. Teffi N. (Lokhvitskaya N.A.) Life and collar. *Iz biblioteki saitа "K uroku literatury"* [From the library of the site "To the lesson of literature"]. URL: http://literatura5.narod.ru/teffi_vorotnik.html (accessed 28.07.2023). (In Russian).